

Следует отметить, что, регулируя схожие по своей правовой характеристике договоры – договор дарения, договор безвозмездного пользования (ссуды), Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) такие основания обоснованно выделяет. Так, в отношении договора дарения закреплена возможность отказа от исполнения дарения (ст. 548 ГК), отмены дарения (ст. 549 ГК), в отношении договора безвозмездного пользования (ссуды) – возможность досрочного расторжения договора (ст. 652 ГК), отказа от договора (ст. 653 ГК), прекращения договора (ст. 655 ГК).

С учетом вышеизложенного предлагается изменение Указа № 300 путем его дополнения положениями, предусматривающими основания: отказа от исполнения договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи, предусматривающего предоставление указанной помощи в будущем, в связи с существенным ухудшением финансово-экономического положения спонсора; досрочного расторжения договора – в связи с нецелевым использованием предоставленной безвозмездной (спонсорской) помощи. Кроме того, представляется уместным дополнение положений Указа № 300 нормами, закрепляющими последствия ликвидации спонсора, получателя, а также нормами, закрепляющими последствия реорганизации сторон.

Соответствующие изменения необходимо предусмотреть также в примерной форме договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13.07.2005 № 779.

Предлагаемые изменения обусловлены правовой характеристикой рассматриваемого договора и будут способствовать защите спонсора как более уязвимой стороны в рассматриваемой договорной конструкции, стимулированию соблюдения договорных обязательств сторонами, расширению применения договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи в гражданском обороте.

Глухотаренко А. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЭМБРИОНА

Глухотаренко Анна Алексеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gluchotarenko@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

В п. 2 ст. 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) закреплено, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения. В доктрине гражданского права не сформировалось однозначного подхода к определению момента рождения.

Понятие «эмбрион» определено в Законе Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» от 7 января 2012 г. (далее – Закон). В ст. 1 данного Закона закреплено, что эмбрион – это ранняя стадия развития живого организма. Для более точного определения «эмбриона» стоит обратиться к исследованиям в области биологии и эмбриологии. Например, Л. Ф. Курило выделила следующие стадии

внутриутробного развития человеческого зародыша: проэмбрион (14 дней с момента зачатия) или «сгусток» клеток; эмбрион (8 недель с момента зачатия); плод (от 8 недель до момента рождения).

В современном законодательстве эмбрион не признается субъектом гражданского права. При этом согласно ст. 24 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на жизнь. При применении указанной нормы важно понимать, какое значение законодатель вкладывает в слова «каждый» и «жизнь».

Стоит отметить, что ст. 1037 ГК относит ребенка наследодателя к кругу наследников с момента зачатия, но также имеется специальная оговорка, что полноправным наследником лицо может стать, родившись живым, после открытия наследования. В свою очередь, ст. 957 ГК предусматривает, что в случае смерти потерпевшего, право на возмещение вреда имеет ребенок умершего, родившийся после его смерти. Согласно ст. 181 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) государство гарантирует защиту интересов детей еще до их рождения. К примеру, допускается предварительная подача заявления родителей об установлении отцовства в отношении еще не родившегося ребенка, если есть основания предполагать, что подача совместного заявления о регистрации установления отцовства после рождения ребенка станет невозможной или затруднительной.

Определяя правовое положение эмбриона, мы обратились к исследованиям А. Д. Беловой, которая со ссылкой на доклад Американского общества репродуктивной медицины описала три основополагающие подхода к пониманию сущности эмбриона: 1) эмбрион – это субъект права; 2) эмбрион – это объект права; 3) эмбрион – это особое правовое явление.

Первый подход базируется на представлении о том, что эмбрион является человеком с момента зачатия, а потому именно с этого момента должен быть наделен гражданскими правами. Сторонники данного подхода полагают, что, например, суррогатное материнство противоречит правам эмбриона, поскольку сопоставимо с торговлей детьми. Эмбрион при этом выступает объектом гражданских правоотношений.

Опираясь на учение Джона Локка о том, что у каждого человека есть право собственности на свою личность, некоторые ученые рассматривают эмбрион в качестве объекта гражданских прав, который принадлежит лицам, предоставившим для его создания свои клетки. В связи с этим не должны налагаться ограничения на действия, производимые в отношении эмбриона, при наличии согласия лиц, уполномоченных принимать соответствующие решения. Эмбрион при таком подходе поступает в общую собственность лиц, предоставивших для его создания свои клетки, каждый из них может в любой момент отозвать свое согласие на проведение соответствующей процедуры. Не соглашаясь с этой позицией, рассмотрим третий из предлагаемых подходов.

Эмбрионы не являются ни субъектами, ни объектами, а представляют собой некое особое явление, статус которого обусловлен потенциалом эмбриона к человеческой жизни. Эмбрион заслуживает большего уважения, нежели иные ткани физического лица, но меньшего, нежели сами физические

лица. Такую точку зрения выразил Верховный Суд Калифорнии, постановив, что нет необходимости квалифицировать эмбрион в качестве субъекта или имущества, поскольку родители заслуживают чего-то более тонкого, в связи с чем суды признали эмбрион особым правовым явлением.

С учетом вышеизложенного мы полагаем, что оптимальным решением будет признать эмбриона особым правовым явлением, которое нуждается в защите со стороны государства.

Грабинский В. Ю.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТОВ

*Грабинский Владислав Юрьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
vladislavgrabinskij@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Определение понятия и правовой природы смарт-контрактов представляется актуальным с учетом повышения их популярности в ряде государств, а также легализации понятия «смарт-контракт» в национальном законодательстве в рамках правового эксперимента для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство Республики Беларусь.

Идея смарт-контракта была сформулирована и предложена в 1994 г. ученым в области информатики, криптографии и права Ником Сабо. Он дал определение смарт-контракту как компьютерному протоколу, который на основе использования математических алгоритмов самостоятельно проводит сделки и осуществляет контроль за их исполнением. Традиционно выделяют два основных вида таких смарт-контрактов:

1) полностью автоматизированная сделка, вся информация о которой и программный код находится только на электронных носителях;

2) частично автоматизированный контракт, лишь фрагмент которого отражается с помощью цифровых технологий, а все остальное закрепляется в традиционном тексте на бумажных носителях.

Ник Сабо описывал смарт-контракт как электронный алгоритм, предназначенный для автоматизации процесса исполнения контрактов в блокчейне. Однако практическая реализация такого контракта на том этапе развития техники не представлялась возможной. Лишь в 2009 г. Сатоши Накамота создал биткоин и представил концепцию блокчейна для создания децентрализованного реестра, поддерживаемого анонимным консенсусом.

Принцип действия смарт-контракта заключается в следующем: содержание договора записывается в виде кода в компьютерной программе, отслеживающей и обеспечивающей исполнение обязательств. Стороны сделки прописывают в таком контракте условия, а также санкции за их невыполнение.

С принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет) было положено